

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ *

(к 150-летней годовщине)

Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ

В 1962 г. исполнилось 150 лет со времени Бородинского сражения, важнейшего события Отечественной войны 1812 г.— этой бессмертной эпопеи героической борьбы народов нашей страны против захватнической армии Наполеона. Героизм, мужество, беспримерная храбрость, проявленные русской армией на Бородинском поле, показывают, на что способен народ, когда его свободе и независимости угрожает опасность, когда враг покушается на честь и достоинство его отчизны.

В этом сражении наш народ выступил как надежный защитник, как пламенный борец за государственную независимость и национальную свободу. В войне 1812 г. в целом, а в Бородинском сражении в особенности, с исключительной силой проявился патриотизм народов России. Угроза порабощения вызвала в них чувство гнева и ненависти к захватчикам и поработителям. Народный патриотизм явился той мощной силой, которая привела Россию к победе над наполеоновской армией. Русская армия победила в войне 1812 г. потому, что в ней принял участие народ. Его свободолюбивый дух проявился в воинской доблести солдат и офицеров.

I

Бородинскому сражению посвящена большая литература; с различных позиций освещено его место и значение в Отечественной войне 1812 г.

Дворянская историография в лице Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича трактовала Бородино как вынужденный со стороны Кутузова акт, завершившийся победой Наполеона¹.

Этой трактовке противостояли взгляды декабристов, а затем революционеров-демократов 40—60-х годов XIX в. И если Ф. Глинка полагал, что великий вопрос — «кто победил?» — остался неразрешенным², то Белинский, Герцен и Чернышевский уже не сомневались в том, что сражение под Бородиным было победой русских³.

На прежних позициях оставалась дворянская историография и во второй половине XIX в., а также в начале XX в. Г. А. Леер и А. К. Байов

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г.

¹ Д. П. Бутурлин. История нашествия Наполеона на Россию в 1812 году, т. I, СПб., 1824, стр. 243; А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 г., т. I, СПб., 1839, стр. 287; М. Богданович. История Отечественной войны по достоверным источникам, т. III, СПб., 1859, стр. 402.

² Ф. Глинка. Очерки Бородинского сражения, ч. II, М., 1939, стр. 106—107.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. XII, 1926, стр. 89; Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 490.

по-прежнему усматривали в Бородинском сражении лишь «очистительную жертву» Кутузова в угоду требованиям двора и армии⁴. За 100 лет дворянская историография не пошла дальше описания Бородинского сражения. Иную трактовку мешало им дать преклонение перед Александром I; по их мнению, ему одному «принадлежала слава сего блистательного похода»⁵.

С выводами дворянских историков не соглашались буржуазные историки. Они считали, что главную роль в войне сыграл М. И. Кутузов, «которому одному Россия обязана своим спасением»⁶, — указывал А. Н. Попов. Они возражали против тезиса дворянских историков об объединении всех сословий вокруг трона для спасения монархии и отрицали народный характер войны, считая невозможным проявление общественного сознания у крепостных. Реальными силами в войне, по их мнению, были дворянство и буржуазия. Но, призывая покончить с «героической легендой 1812 года», буржуазные историки не смогли дать стройной концепции войны и Бородинского сражения. Они также считали Бородино лишь «очистительной жертвой» и не ставили это сражение в связь с общим замыслом Кутузова по разгрому наполеоновской армии⁷.

Против дворянской и буржуазной историографии в начале XX в. выступил М. Н. Покровский. Но, справедливо критикуя методологические пороки концепций дворянских и буржуазных историков, Покровский сам не дал верной трактовки войны 1812 г. и Бородинского сражения. Он оправдывал агрессию Наполеона, отрицал патриотизм народа и принижал роль Кутузова. Эти взгляды Покровского доминировали в историографии в первые годы после Октябрьской революции.

Советские историки, опираясь на марксистско-ленинское учение о войне и армии, разработали стройную концепцию Отечественной войны 1812 г. Они отвергли выводы дворянских и буржуазных историков, в том числе и по Бородинскому сражению, и на основе широкой источниковедческой базы доказали, что Бородинское сражение является победой русской армии, что оно входит в общий замысел Кутузова⁸.

II

Бородинское сражение завершает тяжелый оборонительный период Отечественной войны 1812 г. Наполеон рвался к Москве, надеясь отсюда продиктовать России позорный мир. Ему казалось, что в Москве он утвердит свое могущество в Европе, а затем начнет свой последний поход на Индию. «...В 1812 году Наполеон отметил на своей карте Москву как операционную базу для похода на Индию», — указывал Ф. Энгельс⁹. Над Россией нависла смертельная опасность превращения в колонию Франции, в ее сателлита.

В эти грозные дни все взоры обратились к замечательному русскому полководцу М. И. Кутузову, который накануне Отечественной войны со славою завершил тяжкую борьбу с Турцией. Царь должен был уступить требованию широких кругов и назначил Кутузова главнокомандующим. Вся страна и армия с удовлетворением приняли это назначение.

В трудную годину принял Кутузов командование армией. В Петербурге никто не знал, как остановить Наполеона и что нужно для этого

⁴ Г. Леер. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, ч. I, СПб., 1885, стр. 400; А. К. Байов. Курс истории русского военного искусства, вып. VII, М., 1913, стр. 427.

⁵ Д. П. Батурлин. Указ. соч., т. II, стр. 326.

⁶ А. Н. Попов. Отечественная война 1812 г. «Русская старина», 1877, т. I, стр. 277.

⁷ Н. П. Михневич. Бородино, см. «Отечественная война и русское общество. 1812—1912», т. IV, М., 1912, стр. 27, 29.

⁸ М. В. Нечкина. Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов, М., 1943; Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 г. и контрастступление Кутузова, М., 1951; П. А. Жилин. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953; Е. В. Тарле. Бородино, М., 1962.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12, стр. 615.

сделать. Александр I не дал Кутузову указаний. Военное министерство не имело никаких достоверных данных о состоянии войск и резервов. Оно снабдило Кутузова лишь приблизительными данными о подготовке 100-тысячной резервной армии Милорадовича под Москвой и о начавшемся сборе ополчений.

Находясь на пути к армии, Кутузов должен был собирать сведения о ее состоянии и на их основании принимать решения.

Стратегическая обстановка была очень тяжелой для русских войск. Ударная группировка «большой армии», насчитывающая после взятия ею Смоленска около 150 тыс. человек, шла по пятам объединенных армий М. Б. Баркляя-де Толли и П. И. Багратиона. На флангах Наполеон имел еще две крупных группировки, сковывающие русские войска и угрожающие Петербургу и Киеву. Он добивался генерального сражения, чтобы одним ударом разгромить основные силы русских, овладеть Москвой и принудить Россию к выгодному для него миру. «Я иду в Москву,— говорил он в начале войны,— и в одно или два сражения все кончу»¹⁰.

Принимая командование армией, Кутузов поставил перед собой цель остановить Наполеона, выиграть время для накопления сил, а затем перейти в контрнаступление и уничтожить «большую армию». Он понимал, что добиться этого ему не удастся в одном генеральном сражении, что вообще в эпоху массовых армий этот способ решения судьбы войны уже не является единственным. Наполеоновской теории генерального сражения он противопоставил свою теорию системы сражений, состоящей из ряда последовательных ударов, первым из которых и явилось сражение у Бородина. При этом Кутузов ставил задачей сочетать действия главной своей группировки с действиями фланговых групп. Идею взаимодействия войск он сформулировал в приказах командующим фланговыми группами на пути к армиям. Уже 14 (26) августа он потребовал от командующих III Западной армией Торماسова и Дунайской армией Чичагова начать «действовать на правой фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление»¹¹. Свой приказ Кутузов повторил 20 августа (1 сентября)¹².

Оставляя за Витгенштейном в качестве основной задачи защиту Петербурга, Кутузов также предупредил его о том, что после прибытия к армии он «может дать другое направление действиям» Витгенштейна¹³. Давая указания Чичагову и Витгенштейну, Кутузов одновременно предписал Милорадовичу, формировавшему резервную армию под Москвой, немедленно выступить навстречу отходящим войскам Баркляя-де-Толли и Багратиона, чтобы «иметь вторичную стену противу сил неприятельских... в той надежде, что вы, расположа войска, вам вверенные, сообразно сему предмету, противопоставите силам неприятельским их мужество и вашу твердость». Ростопчину было приказано направить для укрепления резервной армии Милорадовича «полки московского ополчения, дабы тем главные армии нашли себе новые источники к усилению»¹⁴.

Кутузов рассчитывал, что с подходом этих сил его главная группировка уравнивается с ударной группой Наполеона. В связи с этим он дал согласие Баркляю-де-Толли «производить в действие предпринятой вами план до прибытия моего»¹⁵, т. е. дать сражение у Царева Займища. Все эти указания Кутузов давал, надеясь на получение резер-

¹⁰ De Pradt. Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie, Paris, 1815, p. 57.

¹¹ «М. И. Кутузов», сб. док., т. IV, ч. I, М., 1954, стр. 83—84.

¹² Там же, стр. 111—112.

¹³ Там же, стр. 82.

¹⁴ Там же, стр. 79, 81.

¹⁵ Там же, стр. 88.

вов, готовящихся под Москвой. Но действительность оказалась хуже, чем он предполагал. Приняв командование над армией 17 августа 1812 г., Кутузов увидел, что русская армия насчитывала всего около 95 тыс. человек. Милорадович привел в Гжатск вместо 100 тыс. немногим более 15 тыс. человек. Наконец к этому времени стало прибывать Московское ополчение, насчитывающее до 23 тыс. человек¹⁶. Силы же французов, по данным русского штаба, доходили до 185 тыс. человек и, следовательно, в 2 раза превышали силы русских¹⁷. Кутузов понял, что в данных условиях давать сражение у Царева Займища нельзя и отвел войска к Можайску с целью усиления подходившими резервами. Сначала он даже выразил сомнение в возможности обороны Москвы. В письме Ростопчину от 17 августа Кутузов сообщал: «Не решен еще вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»¹⁸. Эти сомнения вызывались не столько состоянием войск, желавших сражения, сколько теми настроениями, которые господствовали в правящих кругах России, не веривших в конечную победу над Наполеоном. Но уже через два дня Кутузов доносил царю, что армия его готова «для спасения Москвы отдаться на произвол сражения, которое, однако же, предпринято будет со всеми осторожностями, которых важность обстоятельств требовать может»¹⁹. Кутузов видел военную и политическую необходимость сражения, оно входило в задуманный им план разгрома наполеоновской армии. Но обязательным условием перехода в контрнаступление Кутузов ставил получение резервов, без которых оно было бы авантюрой.

III

Отказ Кутузова дать сражение у Царева Займища диктовался, с одной стороны, необходимостью усиления армии резервами, с другой, — особенностями избранной Барклаем-де-Толли позиции. «Местоположение при Гжатске, — доносил Александру Кутузов, — нашел я по обозрению моему для сражения весьма невыгодным»²⁰. Он тотчас направил генерал-квартирмейстера К. Ф. Толя, хорошо знавшего тактические воззрения Кутузова, отыскать новую позицию, отвечавшую принципам глубокой тактики колонн и рассыпного строя. Такая позиция была найдена западнее Можайска. Сообщая об этом Ростопчину из Колоцкого монастыря, Кутузов писал: «Полчаса назад не мог я еще определенно сказать вашему сиятельству о той позиции, которую предстояло избрать выгоднейшею для предполагаемого генерального сражения. Но рассмотрев все положения до Можайска, нам та, которую мы ныне занимаем, представилась лучшею»²¹.

Еще более определенно оценивает позицию Кутузов в донесении Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе»²².

Здесь Кутузова привлекала прежде всего пересеченная местность, позволявшая, во-первых, создать систему полевых укреплений, могущих стать опорой глубокого боевого порядка, и, во-вторых, скрыть от против-

¹⁶ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 98, 90.

¹⁷ Кутузов, правда, считал эту цифру преувеличенной и в донесении Александру I указал, что Наполеон имел не более 165 тыс. человек (там же, стр. 99).

¹⁸ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 90.

¹⁹ Там же, стр. 97.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 118—119.

²² Там же, стр. 129.

ника истинное расположение войск, особенно тех, которые предназначались для внезапных ударов.

Позиция седлала две дороги, ведущие к Москве. Новая Смоленская дорога представляла собой тракт, позволявший перебрасывать крупные массы войск. Ширина дороги доходила до 8, а местами до 10 м. В 4-х км южнее ее проходила Старая Смоленская дорога, значительно более узкая (до 3 м), идущая через лесное дефиле, которое затрудняло движение войск в крупных массах. Через поле с юго-запада на северо-восток протекала р. Колоочь, впадающая в Москву-реку. Поле слегка всхолмлено и имеет хороший обзор на запад в сторону противника; южная и юго-восточная части его были покрыты лесом и кустарником, исключавшими возможность маневра в этой части позиции. Ее правый фланг упирался в Москву-реку, левый — в Утицкий лес. Местность на левом берегу Колоочи, где ожидался противник, довольно хорошо просматривалась с высот (или, скорее, холмов), находившихся на правом берегу Колоочи, была недостаточно удобна для развертывания крупных масс и, главное, не позволяла осуществлять обходные маневры, на которые Наполеон был великий мастер. Обойти и атаковать правый фланг русских мешала Москва-река, а левый фланг — Утицкий лес.

По фронту Бородинская позиция тянулась на 8 км (участок же от Бородино до Устицы немногим более 4 км), в глубину — на 7 км. Вся площадь позиции составляла 56 км², а для активных действий до 30 км².

Таким образом, позиция при Бородине соответствовала требованиям Кутузова:

1) она отвечала принципам глубокой тактики колонн и рассыпного строя и позволяла принять глубокий боевой порядок,

2) позволяла организовать систему оборонительных укреплений, вынуждавшую Наполеона вести лобовые атаки,

3) разрешала русским войскам свободно маневрировать на поле сражения и затрудняла маневры противника.

Следовательно, позиция была действительно лучшей, «которую только на плоских местах найти можно»²³.

IV

Замысел полководца отражается в планирующих документах (диспозициях), а проверяется ходом сражения.

В период господства линейной тактики не было нужды в писанных диспозициях. При фронтальных сражениях вся армия действовала как один большой батальон по единой команде. Полководец видел всю свою армию и принимал окончательное решение после того, как она сближалась с противником. Расчленение боевого порядка, создание узлов сопротивления и расположение резервов в глубину потребовало постановки общих и частных задач, оформленных в диспозициях.

Диспозиция для Бородинского сражения и является первым планирующим документом. Она была составлена 24 августа (5 сентября), т. е. через два дня после прибытия армии на Бородинскую позицию. Коррективом же к ней являются «кроки», графически объясняющие расположение войск на местности, составленные на следующий день, т. е. 25 августа (6 сентября). Кутузов решил дать оборонительное сражение и действовать в соответствии с его ходом²⁴.

В литературе сложилось три трактовки замысла Кутузова. Дореволюционные историки полагали, что Кутузов, решаясь на сражение, не предусматривал маневра, и, расположив войска на так называемой первой позиции (от Маслова до Шевардина), должен был затем отвести их на вторую позицию, где и дал генеральное сражение, в итоге которого

²³ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 129.

²⁴ Там же, стр. 141.

войска отошли на третью позицию. Этой трактовки держались и советские историки до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Затем в эту схему была внесена поправка. Первая позиция рассматривалась как передовая с вынесенным вперед Шевардинским укреплением. Основной же считалась вторая позиция, предусматривающая такое расположение войск, которое обеспечивало свободу маневра вдоль фронта и возможность нанесения удара с левого фланга. Наконец, третья позиция — как место вынужденного размещения русских войск, определенное ходом боевых действий. Эта точка зрения проведена в работах Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина, на эту же точку зрения стал и Е. В. Тарле в последней своей работе.

Третье предположение было высказано Н. Ф. Гарничем, который считал, что Кутузов, располагая войска на трех позициях, имел целью осуществить двусторонний обход флангов и как бы повторить Канны.

Из этих точек зрения наиболее правильной является вторая, ибо она подтверждается не только планирующими, но и отчетными документами, а также свидетельствами участников сражения.

Толь и Беннигсен, производившие первую рекогносцировку позиции, наметили ее передний край по линии Маслово — Бородино — Шевардино. На эти места приходили и располагались войска 22 августа (3 сентября) согласно диспозиции, отданной войскам на 21 августа (2 сентября) для марша от Колоцкого монастыря к селу Бородину. По прибытии же войск была установлена непригодность переднего края, войска противника могли обрушиться на левый фланг и смять его. На эту сторону обратил внимание Кутузова Багратион. При осмотре передовой позиции Кутузовым, Барклаем-де-Толли и Багратионом было решено подготовить основную позицию на линии Маслово — Центральная высота — Семеновское — Утицы. «На сей предмет,— указывал Барклай-де-Толли,— и предписано было построение батареи и редутов»²⁵. При этом, отмечал Толь, «Кутузов приказал построить сей редут (Шевардинский.— Л. Б.) для того, чтобы лучше открыть истинное направление неприятельских сил, ...если возможно, то и главное нападение Наполеона»²⁶.

В соответствии с этим Кутузов решил распределить войска в трех группах. Одну группу — правее Новой Смоленской дороги, другую — левее, позади этих двух групп иметь резерв, расположенный на равном расстоянии от них. Третью группу должны были образовать войска, поставленные за Утицким курганом; в ее задачу входило нанести внезапный удар противнику в случае обхода им левого фланга русских войск. Такова идея, выраженная в «кроки». Диспозиция же, составленная днем раньше, не предусматривала такого расположения войск. Она указывала лишь деление основной позиции на два крыла и центр.

Свои окончательные замыслы Кутузов не довел до командующих армиями и даже до начальника штаба Беннигсена и это было его ошибкой. Беннигсен, руководствуясь диспозицией, давал свои указания при объезде позиции накануне сражения, т. е. после изменений расположения войск, сделанных Кутузовым в течение 25 августа (6 сентября). Не согласовав этих указаний с Кутузовым, Беннигсен произвел перестановку войск III корпуса, которая удлинит позицию от Семеновского до Утиц и лишила этим русскую армию возможности произвести маневр на левом фланге.

Главное, чего добивался Кутузов,— создать непреодолимую оборону, обеспечить возможность питания боя резервами из глубины, вынудить противника вести лобовые атаки опорных пунктов, чтобы перемолоть его главные силы. Это был замысел смелый и единственно возможный при имевшемся соотношении сил.

²⁵ «Тр. Императорского русского военно-исторического общества», т. VII, кн. 3, СПб., 1912, стр. 197.

²⁶ Там же, стр. 199.

Боевой порядок русских войск составляли следующие группы:

Первая — войска правого крыла под командованием Милорадовича (II и IV пехотные, II кавалерийский корпуса и резерв — I кавалерийский корпус и корпус Платова).

Вторая — VI пехотный и III кавалерийский корпуса под командованием Д. С. Дохтурова.

Обе эти группы были составлены из войск I Западной армии. Общее командование ими было возложено на М. Б. Барклая-де-Толли.

Третья — VII и VIII пехотный и IV кавалерийский корпуса и резерв. Этой группой командовал П. И. Багратион.

Особую группу составил Утицкий отряд, включавший в себя III пехотный корпус, казачий отряд А. А. Карпова и полки Московского и Смоленского ополчений. В своем распоряжении Кутузов оставил крупный резерв, включавший V пехотный корпус, гвардейскую кавалерию и артиллерийские части.

Тактическая плотность правого крыла и центра составляла 15 тыс. человек на 1 км² фронта, левого крыла — 13 тыс. человек.

Вся позиция была разделена на корпусные участки, каждый из которых имел сильные опорные пункты. Опорные пункты повышали стойкость пехоты, поскольку она получала огневую поддержку артиллерии. Они и были причиной того, что сражение распалось на ряд отдельных боев — за центральный курган, флеши и т. д. Пехота располагалась в батальонных колоннах, имея впереди цепи егерей, а кавалерия — в развернутых эскадронах, готовая к атаке; артиллерия действовала в сводных батареях в целях увеличения плотности огня.

Это был глубокий боевой порядок, требовавший умелого использования сил и средств и умелого маневрирования резервами.

Изложив все это в диспозиции, Кутузов написал: «В сем боевом порядке намерен я привлечь силы неприятельские и действовать сообразно его движениям»²⁷. Таким образом, Кутузов принял решение вести оборонительное сражение. Он поставил перед общими начальниками (командующими армиями) эту задачу, предоставив им полную инициативу в постановке задач перед частными начальниками (командирами корпусов и дивизий). Этого требовала тактика колонн и рассыпного строя.

V

24 августа (5 сентября) состоялся бой у Шевардина. 12 тыс. русских в течение дня сдерживали натиск 35 тыс. французов. Шевардинский бой имел большое значение, поскольку он выявил стремление Наполеона овладеть плацдармом на правом берегу р. Колочи, чтобы иметь возможность произвести развертывание главных сил. Этим определилось направление главного удара противника. Наполеон нацеливал свои войска на центр и левый фланг русских, из чего Кутузов сделал вывод о необходимости инженерного усиления поля сражения.

День 25 августа (6 сентября) отнюдь не был днем затишья, как это принято считать. В этом день Наполеон настойчиво прощупывал левый фланг русской армии. Его особенно интересовала возможность обхода левого фланга русских войск по Старой Смоленской дороге и между д. Семеновское и Утицы. Лесной покров скрывал расположение русских на крайнем левом фланге, и Наполеон, не исключая возможности внезапного удара по своему правому флангу, старался выяснить обстановку. В этих целях он направил сюда легкую пехоту, которая, встретив энергичное сопротивление егерских полков Шаховского, прорывавших подступы к позиции. Стрелковый бой продолжался с перерывами в течение целого дня. Егерей сменила линейная пехота, которая также

²⁷ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 141.

вела бой в рассыпном строю. Легкая пехота отлично выполнила свою функцию. Она не допустила выхода французских войск на свой фланг. Кроме того, Наполеону так и не удалось установить истинное положение русских войск в районе Семеновское — Утицы.

26 августа (7 сентября) состоялось величайшее сражение нового времени. 135 тыс. французских войск при 587 орудиях обрушились на 120-тысячную русскую армию при 640 орудиях. Четверть миллиона людей дрались в течение 15 часов на узком участке фронта, домогаясь победы.

Генеральное сражение началось на рассвете. Войска Богарнэ атаковали русский отряд, занимавший деревню Бородино, расположенную на левом берегу Колочи. Они отбросили гвардейских егерей за реку, захватили мост и перешли на правый берег Колочи. Но затем под натиском русских они отошли назад. Одновременно корпус Понятовского атаковал крайний левый фланг русских войск у деревни Утицы. Этими действиями Наполеон старался отвлечь внимание Кутузова от направления главного удара, который он наносил по левому флангу и центру русских войск у Семеновских флешей и по батарее Раевского. Это был излюбленный способ Наполеона вести сражение. Как правило, метод сосредоточения главных сил для удара на решающем направлении приносил ему успех. Опыт Маренго, Аустерлица и Ваграма был ему порукой.

Семь раз Семеновские флешы были атакованы французами, но каждый раз их атака разбивалась о стойкость и мужество русских войск. Багратион мастерски руководил боем и не уступал ни одной пяди. Наполеон все время наращивал силу удара и в последнюю, восьмую атаку бросил 45 тыс. человек, поддержав их усилия огнем 400 орудий. Ему удалось, наконец, захватить флешу. Тяжело раненого Багратиона увезли с поля битвы. Войска левого фланга стали отходить. Казалось, что наступил последний, кульминационный момент сражения, что Наполеону осталось совершить последнее усилие, и русские войска будут загнаны в излучину Москвы-реки и разгромлены. Но это лишь казалось Наполеону.

В критический момент сражения Кутузов вырвал у него инициативу и нанес удар по левому флангу французских войск. Обходный рейд конницы Уварова и Платова имел огромные последствия: «атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут»²⁸. Наполеон остановил свои атаки и направил те самые резервы, которые должны были решить судьбу битвы на левом фланге и в центре русских войск, для восстановления положения на своем левом фланге. Эти два часа, потерянные Наполеоном, были превосходно использованы Кутузовым. Он укрепил свой левый фланг и был готов продолжать сражение. Восстановив положение на левом фланге, Наполеон возобновил атаки на русский центр, но было уже поздно. Взятие батареи Раевского ничего ему не дало. Русские войска твердо стояли на своей последней позиции. Упорно сражаясь, они к концу дня заставили французов отойти в исходное положение.

«Сей день,— докладывал Кутузов,— пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое отечество»²⁹.

Описание Бородинского сражения по ходу развертывания событий позволяет раскрыть его этапы, но затрудняет выявление способов и форм

²⁸ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 167.

²⁹ Там же, стр. 168.

ведения боевых действий как по родам войск, так и в целом. Между тем, только выяснив эти способы, можно сделать выводы об уровне развития русского военного искусства и степени боеспособности русских войск.

Тактикой колонн и рассыпного строя отлично владели оба противника. Как для той, так и для другой стороны действия в рассыпном строю и в колоннах не представляли чего-то нового, неизведанного, а значит, и тактически внезапного. Энгельс называл тактику начала XIX в. «тактикой массовых движений». И действительно, Бородинское сражение отличалось большой плотностью огня и еще большей плотностью построений пехоты, которая в эту эпоху была главным родом войск.

Пехотные корпуса строились так. Две пехотные дивизии, входившие в корпус, составляли правый и левый участки. Егерские бригады каждой дивизии располагались в начале боя впереди линейной пехоты для ведения прицельного огня, а по мере развития боя отводились и ставились на их флангах. Пехотные полки строились в батальонные колонны в две линии на дистанции 200 шагов одна от другой. Как и в Полтавском сражении, вторую линию составляли батальоны тех же полков. На 1 погонный метр фронта в глубину располагалось в первой линии колонн 30 человек и столько же во второй. Такое построение создавало упругость боевого порядка. Новым для того времени было использование инженерных средств пехотой. Корпуса опирались на полевые укрепления и на артиллерию, сведенную в мощные батареи. Все это вынуждало противника вести лобовые атаки узлов сопротивления. Боевые действия пехоты сводились к штыковым атакам и контратакам, в которых русские были более сильны, чем французы, и поэтому, даже будучи численно слабее противника, они неизменно одерживали верх. Во время этих сралок приобретали значение действия каждого отдельного солдата, стойкость, мужество и мастерство которого служило примером для других. Следует указать на одну весьма существенную сторону дела. Во многих подразделениях русской пехоты офицерский состав довольно быстро вышел из строя и солдаты были представлены самим себе. Тогда руководство боем осуществлял кто-либо из унтер-офицеров, а нередко и из солдат. Об этом убедительно свидетельствуют наградные списки и списки унтер-офицеров³⁰. Высокий подъем проявлялся в ожесточенных штыковых схватках. На Бородинском поле, по образному выражению Ермолова, «французская армия разбилась об русскую». Наполеон потерял здесь лучшую часть своей пехоты. Русская пехота была несокрушима. Отмечая эту ее черту, Энгельс писал: «Пока исход боя тактически решался наступлением сплоченных масс пехоты, русский солдат был в своей стихии.., сплошную массу русских батальонов почти невозможно рассыпать; чем больше опасность, тем плотнее смыкаются люди»³¹. В эпоху наполеоновских войн эта сплоченность была, говорил Энгельс, «неоценимым достоинством» русской армии.

Кавалерия не уступала в проявлении доблести пехоте. Все кавалерийские корпуса и отдельные кирасирские дивизии располагались в развернутом строю во второй линии за пехотой. Они были в готовности отражать любые действия противника. При отражении пехотных атак французов в бой, кроме пехоты, вступала и русская кавалерия. То обстоятельство, что французы не могли во время своих атак действовать в каре, приводило к огромным потерям во время русских кавалерийских контратак. При отражении кавалерийских атак французов русская кавалерия также имела успех, поскольку французы теряли боевой порядок при действиях против пехоты и артиллерии. Потери французской

³⁰ «Бородино», сб. док. и материалов, М., 1962.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 350—351.

кавалерии были столь велики, что Бородино справедливо называют могилой французской кавалерии. В этом сражении Наполеон потерял 60% конницы. Против русской кавалерии французская конница была бессильна. Бесплодность ее атак видна из того, что на активном участке сражения конница могла проникать на глубину в 1—1½ км. Дальше ее натиск иссякал и она поспешно отходила под действием артиллерийского огня и контратак русской кавалерии.

В то время как Наполеон затруднялся совершать маневр на поле боя, Кутузов превосходно использовал для своего маневра конницу. Рейд Платова и Уварова сыграл свою роль. Наполеон остановил атаки и отдал инициативу в руки Кутузова.

Многие историки ставят в упрек Кутузову, что он будто бы оставил неиспользованной большую часть артиллерийского резерва, составлявшую 390 орудий, т. е. почти половину всей артиллерии. Об этом твердили все историки, начиная с Бутурлина и кончая Михневичем и Геруа. Советские историки выразили сомнение в достоверности этих выводов и еще в 50-х годах доказали, что почти весь резерв, за исключением гвардейской артиллерии, участвовал в сражении³². В последнее время была проведена тщательная проверка документов по каждой артиллерийской роте и установлено (по данным наградных списков), что все роты, в том числе и гвардейские, принимали участие в сражении³³.

Как мы указывали, опорой боевого порядка явились укрепленные пункты (батареи, флешы, редуты), вокруг которых и шла борьба. Каждый пункт являлся артиллерийской позицией, занимаемой полевыми орудиями крупного калибра (так называемыми батарейными орудиями 12-фунтового калибра). Эта артиллерия имела дистанцию действительного выстрела 1000 сажень ядром и 300 сажень картечью. В полевых укреплениях располагались почти все батарейные орудия (за исключением гвардейской артиллерии), что позволяло держать в зоне огня ближние и дальние подступы к ним. Легкие полевые орудия располагались в боевых порядках пехоты и в резерве.

Способы действия артиллерии представляют значительный интерес. Они говорят, что артиллерия разработала к этому времени свою тактику. Так, например, легкая артиллерия принимала участие в боевых действиях егерей. Вместе с легкой пехотой она меняла позиции и вела прицельный огонь по противнику.

Особенно активную роль играла артиллерия, находившаяся на полевых укреплениях, где было сосредоточено более 300 орудий. Они служили главным средством отражения атак противника, который все время должен был наращивать плотность атакующих колонн. Сначала французы вели атаки в одну-две линии батальонных колонн, затем в три и, наконец, в четыре линии батальонных колонн (до 120 человек в глубину на 1 погонный метр). Русская артиллерия, нанося огромный урон противнику, подготавливала почву для контратак своей пехоты и кавалерии. Значение артиллерийских пунктов ясно из цифр потерь французских войск. У батареи Раевского и Семеновских флешей французы потеряли 75% всех убитых и раненых. Но было бы неверно утверждать, что только здесь действовала артиллерия. Русская артиллерия все время маневрировала на поле боя и создавала плотную зону огня на наиболее опасных направлениях. За счет артиллерийского резерва артиллерия II армии была постепенно доведена до 300 орудий. У Семеновского оврага действовали уже около 400 орудий. В течение дня было израсходовано более 60 тыс. снарядов, что составляет 97 выстрелов на каждое орудие. Если учесть, что русские истратили 1400 тыс. патронов, то это составляет

³² Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 68.

³³ А. П. Ларионов. Артиллерия в Отечественной войне 1812 г., Сб. статей «1812 год. К 150-летию Отечественной войны 1812 года», М., 1962.

на каждого убитого и раненого француза 1 снаряд и 23 патрона. Почти столько же истратили боеприпасов французские войска. Русская артиллерия имела превосходство над артиллерией противника. «Артиллерия наша,— докладывал Кутузов,— нанося ужасный вред неприятелю цельными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила»³⁴.

Таким образом, весь ход боевых действий показывает, что русская армия не только не уступала противнику, но превосходила его по всем родам оружия.

Новая тактика требовала умелого питания боя людскими и материальными ресурсами.

Кутузов указал на это командующим обеими армиями: «не излишним почитаю представить г.г. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранил еще резерв, не побежден»³⁵. Интересно, что каждый из командующих отнесся к этому по-разному. Багратион, находясь на атакуемом участке позиции, предписал: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям, как батарейным, так и полевым»³⁶. По-другому решил вопрос Барклай-де-Толли. Он приказал отвести резервы из зоны артиллерийского огня и «без особенной надобности не вводить в дело резервы свои»³⁷.

Главный резерв Кутузова находился в глубине боевого порядка. Он мастерски использовал его в ходе боевых действий. Выдвижение III корпуса на Старую Смоленскую дорогу исключало возможность обхода русского левого фланга и создавало объективную возможность для нанесения внезапного удара во фланг наступающим французам. Рокировка войск с правого на левый фланг обеспечила гибкость обороны II армии и ее упругость. Наполеону так и не удалось осуществить прорыв ни на левом фланге, ни в центре русского боевого порядка. Наконец, выдвижение частей V корпуса на линию огня парализовало усилия Наполеона и заставило его прекратить свои атаки.

Управление войсками осуществлялось Кутузовым в соответствии с требованиями новых форм боевых действий. Многим казалось, что Кутузов инертен и как бы безучастен к сражению. Он получал донесения от дежурных офицеров, а их было около 30 человек, и отдавал короткие приказания о передвижении войск с одного фланга на другой. В то время, когда положение становилось неясным, он направлял своих помощников из штаба, напутствуя их: «съезди, голубчик, посмотри там». Мы не знаем ни одного случая, когда бы Кутузов вмешался в действия нижестоящих начальников. Некоторые генералы, входившие в состав Главной квартиры, воспитанные на канонах линейной тактики, не понимали, что новая форма боевых действий требовала от всех начальников и солдат проявления боевой инициативы и самостоятельности в выборе решения и в его осуществлении. И частные начальники, представляя свои обязанности, превосходно руководили боевыми действиями, каждый на своем участке. Кутузов с величайшим спокойствием и мужеством управлял сражением. Он терпеливо ждал, когда и где выявится направление главного удара, и проявил максимум энергии в момент наивысшего напряжения сражения, чтобы вырвать инициативу у Наполеона.

В противоположность М. И. Кутузову, Наполеон стремился лично «обозревать поле сражения и в критический момент сам направлялся к месту наибольшей опасности, оставляя без руководства другие. Он терял инициативу и вопреки желанию подчинялся воле М. И. Кутузова.

³⁴ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 168.

³⁵ Там же, стр. 143.

³⁶ «Генерал Багратион», сб. док. и материалов, М., 1945, стр. 241—242.

³⁷ Сб. статей «Развитие тактики русской армии», М., 1957, стр. 136.

Наполеон, столь настойчиво домогавшийся генерального сражения, не достиг поставленной цели. Бородинская битва, по сути дела, не стала для него последним генеральным сражением, предопределившим исход войны. Правда, после Бородина дорога на Москву была открыта, но до конца войны было далеко. А император боялся затяжной войны больше всего. Она обнажала таившиеся политические противоречия в разноплеменной армии, показывала ее ненадежность и несовершенство созданной Наполеоном военной машины.

Французская армия не проявила воли к победе и энтузиазма, да и нельзя было ожидать этого от армии, ведущей несправедливую, грабительскую войну.

Наполеон вовсе не был убежден в том, что ему удалось одержать победу под Бородиным. «Из пятидесяти сражений, мною данных,— писал позднее Наполеон,— в битве под Москвою выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех». «Будут удивляться,— сказал он окружающим после сражения,— почему я не ввел в дело моих резервов, чтоб достигнуть более решительных последствий, но я должен был сохранить их для решительного удара в сражении, которое даст нам неприятель под Москвой»³⁸. Он считал, что в данном случае обеспечен лишь успех этого дня. «Я должен заботиться об успехе всей кампании и вот почему мне следовало сберечь свои резервы»³⁹. Значительно позднее он указал Жомини: «Победа, как бы она ни была несовершенна, должна была отворить мне врата Москвы, там я надеялся достигнуть всех результатов войны»⁴⁰.

Великий русский полководец Кутузов стремился достичь своих целей в сражении, и он их добился. Главной стратегической задачей его было выиграть битву, сломить наступательные возможности «большой армии» и подорвать ее моральный дух. Главной тактической задачей было удержать позицию, парализовать противника, обеспечить преимущество всех родов войск.

И стратегическая и тактическая задачи были выполнены. Русские войска нанесли поражение армии Наполеона, от которого она уже не могла оправиться. Наполеон потерял около половины состава своей ударной группы. Эти потери составили 58 578 солдат и 49 генералов. Все это лишило его возможности продолжать активные боевые действия после отхода из Москвы. Боевой дух французской армии был сломлен. В Бородинском бою была доказана несостоятельность теории генерального сражения Наполеона. Русская же армия отошла, сохранив свои силы и способность к дальнейшему сопротивлению. Ее воинский дух стал еще выше, она убедилась в возможности нанести поражение даже более сильному в численном отношении противнику.

В тактическом отношении русские также достигли успеха. Все попытки Наполеона прорвать центр русской обороны и сокрушить ее левый фланг были парализованы, русская пехота, кавалерия и артиллерия доказали свое преимущество в способах и формах ведения боевых действий. Русские войска вынудили атакующую армию оставить занятую во время боя территорию и возвратиться в исходное положение. В донесении Александру I в ночь с 26 на 27 августа М. И. Кутузов писал: «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать»⁴¹. Одновременно он сообщал Ф. В. Ростопчину: «Сего дня было весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощью

³⁸ Н. Попов. Французы в Москве в 1812 году, М., 1876, стр. 27.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Жомини. Политическая и военная жизнь Наполеона, ч. V, СПб., 1840, стр. 354.

⁴¹ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 175—176.

божиею русское войско не уступило в нем ни шагу...»⁴². Еще яснее говорит М. И. Кутузов о своей победе в письме к жене: «Я, слава богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием»⁴³.

М. Б. Барклай-де-Толли справедливо писал, что еще «никогда и никакие войска не сражались столь мужественно, как сии две храбрые армии, и неприятель, истощив все свои ужасные усилия, первый прекратил нападение и оставил приобретенные им некоторые выгоды, дабы отвести войска свои несколько назад. Армии наши остались на месте сражения [и] могли по всей справедливости считать себя победителями в сем достопамятном деле...»⁴⁴.

Вечером М. И. Кутузов считал возможным продолжить сражение на следующий день, что явствует из его записки М. Б. Барклаю-де Толли: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение и, потому завязавши уже дело с ними, решил-ся в сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем»⁴⁵. Весть о том, что сражение будет возобновлено на другой день, была с радостью воспринята войсками. Адьютанта А. П. Ермолова, поручика Граббе, привезшего приказ М. И. Кутузова об этом, «офицеры целовали за радостную весть, нижние чины приняли ее с удовольствием»⁴⁶. Казалось, что все уже было готово к продолжению сражения, однако в полночь последовал новый приказ об отходе за Можайск.

Основной причиной для отказа Кутузова от продолжения сражения было то, что русская армия понесла довольно значительные потери. Из 120 тыс. человек русская армия потеряла 38 506 солдат и офицеров и 22 генерала, что составляет почти треть всего состава армии. В отношении потерь русской армии в литературе не было ясности по следующим причинам. Дореволюционные, а вслед за ними и советские историки обычно пользовались декабрьской ведомостью о потерях I Западной армии за июнь — октябрь 1812 г. В этой ведомости за 25 и 26 число было показано убитых 9252, раненых 19.226, пропавших без вести (т. е. по существу тоже убитых) 10 028 человек. Всего 38 506 человек⁴⁷. Так как в руках историков не было других документов, то потери II Западной армии условно исчислялись в 20 тыс. человек. Удивительно, однако, что никто из историков не заметил, что указанная ведомость предусматривает данные по Главной армии. Как известно, обе армии приказом М. И. Кутузова от 16 сентября были объединены в одну армию и названы I Западной или Главной армией.

При составлении сборника документов «М. И. Кутузов» удалось обнаружить ведомость как по I, так и по II Западным армиям. По данным ведомости, в I армии убито, ранено и пропало без вести в сражении при Бородине 22 601 человек. По данным же ведомости II армии таковых оказалось 15 840. В этой ведомости не предусмотрены сведения о потерях генералов и офицеров II армии⁴⁸. Общее количество близко к тому, которое указано в сводной ведомости за декабрь 1812 г. Очевидно, данные были уточнены по обеим армиям и показаны в этой сводной ведомости. Таким образом, после публикации всех указанных документов спор о потерях может считаться законченным. М. И. Кутузов сообщил в Петербург, что его армия потеряла убитыми 25 тыс. человек⁴⁹. Очевидно, Толь включил в это число не только убитых, но и

⁴² Там же, стр. 151.

⁴³ Там же, стр. 181.

⁴⁴ Н. Дубровин. Отечественная война в письмах современников, 1812—1815 гг., СПб., 1882, стр. 293.

⁴⁵ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 151—152.

⁴⁶ А. П. Ермолов. Записки о войне 1812 года, Лондон, 1863, стр. 88.

⁴⁷ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, М., 1955, стр. 713.

⁴⁸ Там же, т. IV, ч. I, стр. 210—218 (Ведомости о потерях I и II Западных армий).

⁴⁹ Там же, стр. 168.

без вести пропавших, а также 8 тыс. тяжело раненых, которых пришлось на подводах направить в Москву.

Нужно помнить, что М. И. Кутузов, принимая решение, исходил из того, что русская армия потеряла значительную часть кадрового состава. Ополченцы, хотя отлично зарекомендовали себя в сражении, еще не могли возместить этих потерь. В то же время считалось, что урон противника не превышал 40 тыс. человек, что Наполеон имел под ружьем более 120 тыс. человек (из 165 тыс.) и, самое главное, нетронутый резерв старой и молодой гвардии. Кроме того, противник на другой день вновь усилил себя подходившими войсками.

При таком соотношении сил было трудно защитить Бородинскую позицию, которая, как пишет М. И. Кутузов, «естественно, стала обширнее и войскам невместною, а потому, когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском, и, собрав расстроенные баталией войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским..., увижу я, что могу предпринять противу неприятеля»⁵⁰.

Главное, что беспокоило М. И. Кутузова,— это возможность быть отброшенным от Смоленского тракта к северу от Москвы. На эту сторону дела указал А. П. Ермолов: вскоре после боя «получивши обстоятельное донесение, что II-й корпус отброшен и левое наше крыло открыто совершенно, князь Кутузов отменил намерение и приступлено к составлению диспозиции об отступлении»⁵¹.

VI

Победа русской армии под Бородиным подорвала наступательные возможности французской армии. Лучшая часть французской пехоты, входившая в корпуса Даву, Нея и Жюно, погибла у Семеновских флешей. Особенно тяжелой потерей было истребление более половины французской кавалерии. Потери французов были так велики, что Наполеон был вынужден остановить свои атаки задолго до конца дня. О своей «полупобеде» Наполеон решил сообщить только 31 августа (12 сентября). Восемнадцатый бюллетень должен был убедить Европу в новом блистательном успехе. Вступление в Москву становилось теперь политической необходимостью. Овладев ею, «он имел бы основание надеяться, что ему удастся сорвать приготовления русских к дальнейшему сопротивлению вследствие импонирующего впечатления, производимого остатками его сил, введения в заблуждение во всех отношениях общественного мнения и подрыва в русских чувства долга»⁵². Именно поэтому Наполеон решительно отказался от предложения Нея отойти к Смоленску. Но он также решительно отказался от предложения Мюрата немедленно возобновить сражение⁵³. «Я,— позднее говорил Наполеон,— предпочел эту полупобеду опасности продолжительного сражения, неудачу которого ничем бы уже невозможно было поправить в том положении, в каком мы находились»⁵⁴. Когда утром 27 августа (8 сентября) Наполеону доложили об отходе русской армии к Можайску, это известие не побудило его к энергичным действиям. Наполеон был не уверен и опасался русского маневра.

«Победа» воспринималась в армии французов скорее как поражение, и среди солдат и даже офицеров уже не было того подъема, кото-

⁵⁰ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 154.

⁵¹ А. Н. Ермолов. Указ. соч., стр. 88.

⁵² К. Клаузевиц. 1812 год, М., 1937, стр. 181.

⁵³ Ф. Сегюр. Поход в Москву в 1812 году, М., 1911, стр. 34—95.

⁵⁴ Жомини Указ. соч., стр. 348.

рый наблюдался перед сражением. Упадок духа во французской армии отмечали многие из окружения Наполеона. Он это видел и поэтому действовал весьма осторожно. Наполеон ожидал нового сражения и поэтому сохранял свои силы. Кутузов, несмотря на успех, не мог сразу перейти в наступление. В этом случае Наполеон мог отойти к Смоленску и усилить свою армию за счет корпуса Виктора. Он мог увеличить свои силы и за счет других своих корпусов. Кутузов же в данных условиях не располагал резервами. Отход к Москве становился тяжелой необходимостью. Там, под стенами Москвы, он надеялся укрепить свою армию и может быть дать Наполеону еще одно сражение.

М. И. Кутузов, прекрасно понимая замыслы Наполеона, увлекал его к Москве. На эту сторону дела указал в своих воспоминаниях ординарец Кутузова князь А. Н. Голицын: «Рассуждаемо было в случае отступления куда идти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы туда перенести театр войны в том предположении, что и Наполеон оставит Московскую дорогу и не пойдет более на Москву, а следовать будет за армией через Верею, но Кутузов отвечал: „Пусть идет на Москву”»⁵⁵. Значительно позднее, уже во время контрнаступления, М. И. Кутузов написал, что окончательный план у него сложился только после Бородинского сражения. «Подробное описание кампании, подобной которой не было, принадлежит истории. Результаты соответствуют великому плану, задуманному непосредственно после Бородинского сражения. плану, которого никакие соображения не могли ни ослабить, ни изменить»⁵⁶.

План этот включал возможность сражения под Москвой с последующим переходом в контрнаступление. Что Кутузов надеялся на получение резервов, а следовательно, и на возможность сражения, свидетельствует его письмо Ф. В. Ростопчину от 27 августа (8 сентября), написанное в Жуково, возле Можайска. «Намерение мое, хотя баталия и совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только получить у Москвы, выдержать решительную, может быть, битву противу, конечно, уже несколько пораженных сил его»⁵⁷.

Вечером 30 августа (11 сентября) М. И. Кутузов получил указ Александра I, запрещающий использовать резервы Д. И. Лобанова-Ростовского «по неготовности еще сих полков, а особливо по необходимости иметь устроенное войско для образования и содержания нового рекрутского набора.»⁵⁸, а рекомендующий использовать «московскую силу», якобы доведенную Ростопчиным до 80 тыс. человек.

В этой весьма сложной обстановке М. И. Кутузов собрал в Филях военный совет, который должен был решить вопрос о судьбе Москвы. В избу, занимаемую М. И. Кутузовым, собрались М. Б. Барклай-де-Толли, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, К. Ф. Толь, А. И. Остерман-Толстой, Ф. П. Уваров, П. П. Коновницын, М. И. Платов и П. С. Кайсаров. Позднее прибыли Н. Н. Раевский и Л. Л. Беннигсен. М. И. Кутузов охарактеризовал положение армии и просил присутствующих ответить на следующие вопросы: «Ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение или сдать ему столицу без сражения»⁵⁹.

Выслушав мнение всех, М. И. Кутузов, «обратясь к членам, сказал, что с потеряннием Москвы не потеряна еще Россия и что первую обязанностью поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, кото-

⁵⁵ «Записки о войне 1812 г. князя А. Н. Голицына». «Военный сборник», 1910, № 12, стр. 22.

⁵⁶ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. II, стр. 440 (подчеркнуто мной.— Л. Б.).

⁵⁷ Там же, ч. I, стр. 158—159.

⁵⁸ Там же, стр. 138—139.

⁵⁹ Там же, стр. 220.

рые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю, и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге»⁶⁰.

М. И. Кутузов брал на себя всю ответственность за этот акт. Он понимал, что в сложившихся условиях сдача Москвы была единственным средством выиграть время, столь необходимое для изменения соотношения сил, без чего нельзя было переходить в наступление. «В таком крайнем сумнительном положении,— доносил М. И. Кутузов Александру,— должен я был решиться допустить неприятеля взойти в Москву»⁶¹. Кутузов был совершенно уверен в том, что победа русской армии — только дело времени.

Однако решение оставить Москву нужно было обосновать. 4 (16) сентября он написал Александру I: «Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, всемилостивейший государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России... Теперь в недалеком расстоянии от Москвы, собрав мои войски, твердою ногою могу ожидать неприятеля и пока армия в. и. в. цела и подвижна известною храбростью и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества»⁶².

Позже (28 октября) в письме к полтавскому предводителю дворянства Д. П. Трошинскому М. И. Кутузов дал оценку своих действий после совета в Филях: «Тягостно мне было оставлять Москву, но и дать сражение находил я, в случае неудачи, неразлучным, может быть, с окончанием кампании — почему предпочел оставить ее...»⁶³.

Наконец, после того как французы были изгнаны из России, М. И. Кутузов, останавливаясь на причинах сдачи Москвы, писал жене: «Я весил Москву... с целою Россиею и спасением Петербурга и с свободою Европы»⁶⁴. Таким образом, М. И. Кутузов принял правильное решение. Принося в жертву Москву, он спасал этим всю страну. Это решение было обусловлено тяжелой стратегической обстановкой и прежде всего недостатком сил и отсутствием резервов. Новое сражение, о котором думал М. И. Кутузов, при наличных силах давать было нельзя. Главное теперь состояло в том, чтобы выиграть время, необходимое для создания условий, обеспечивающих переход войск в наступление.

* * *

Бородинское сражение явилось завершающим этапом оборонительного периода войны. Кутузов одержал под Бородиным полную победу, разрешив поставленные стратегические и тактические задачи.

Бородинское сражение не стало началом контрнаступления вследствие преступной бездеятельности царя и его правительства в своевременной подготовке резервов, без которых немислимо было вести войну в эпоху массовых армий. Вот почему конкретный план контрнаступления мог оформиться только после Бородина.

Бородинское сражение вошло в историю военного искусства как образец высокого мастерства русской армии, владевшей современными способами ведения боя, как проявление высокого воинского духа, отражавшего стремление народа отстоять честь и достоинство своей Родины.

Бородинская победа имела огромное значение. Она показала всем несокрушимость России, ее готовность продолжать борьбу за свою национальную свободу и государственную целостность, и Европа именно так расценила итоги этого сражения.

⁶⁰ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. I, стр. 221 (подчеркнуто мной.— Л. Б.).

⁶¹ Там же, стр. 233.

⁶² Там же, стр. 233—234.

⁶³ Там же, т. IV, ч. II, стр. 225.

⁶⁴ Там же, стр. 649.